

*ПУБЛИЦИСТИКА ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ
И УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА*

М. О. СКРИПЛЬ

Сказание о Вавилоне граде

1

О XV веке можно говорить как о веке завершения объединения Руси. Этот процесс объединения шел крайне медленно и захватил несколько столетий. Его истоки уходят в очень раннее время. Уже к концу XIII—началу XIV века русские земли значительно оправались от разорения, вызванного первыми, страшными по своему опустошению страны и истреблению населения, нашествиями татаро-монголов. Наступает время относительной „тишины“. Возрождаются земледелие и ремесла. Начинается экономическое восстановление русских земель.

На рубеже XIII—XIV веков складывались весьма важные для дальнейшей исторической жизни северо-восточной Руси условия. Условия эти оказывались более благоприятными для Московского и Тверского княжеств, чем для других северо-восточных русских княжеств этого времени. Относительно далеко расположенные от главных ударов татаро-монголов во время их постоянно повторявшихся нашествий и набегов, окруженные со всех сторон окраинными русскими землями, Московское и Тверское княжества создавали условия хозяйственной жизни более безопасные, чем в других княжествах. Это привлекало на их территории потоки беженцев из пограничных русских областей. Население этих княжеств увеличивалось, экономическое восстановление протекало быстрее, чем в других землях северо-восточной Руси, политическая сила их князей возрастала.

Первую попытку объединения всех северо-восточных русских княжеств под своей властью сделал тверской князь Михаил Ярославич. Но Михаил Ярославич в своем стремлении установить власть Твери над всеми северо-восточными русскими княжествами встретился с рядом затруднений. Боясь усиления власти тверского князя, Новгород заключил союз с Москвой. Митрополичью кафедру после смерти митрополита Максима, поддерживавшего Михаила Ярославича, занял митрополит Петр, поставленный помимо воли тверского князя и принявший сторону московского великого князя Юрия Даниловича. Наконец, ордынские события лишили Михаила Ярославича последней поддержки: в 1312 году умер расположенный к нему хан Тохта. Начавшаяся при его преемнике, хане Узбеке, длительная борьба между Тверью и Москвой окончилась в 1328 году в пользу Москвы, и московский князь Иван Калита получил ярлык на великое княжение.

С этого времени начинается быстрый рост политического влияния Москвы и первенствующего значения московского князя среди других

русских князей. Иван Калита умело налаживает свои отношения с Ордой. При Иване Калите происходит ряд событий, способствующих экономическому и политическому усилению Московского княжества. После ряда попыток отстоять свою независимость Новгород вынужден был признать власть Ивана Калиты. Вполне зависимым от него оказалось и Ростовское княжество. Его вассалами стали князья угличские, белозерские и галичские. При Иване Калите значительно увеличились материальные средства Московского княжества как за счет его разумной финансовой политики, так и за счет обильных торговых пошлин. Митрополичья кафедра была перенесена из Владимира в Москву, и Москва сделалась постоянным местопребыванием русских митрополитов. Все это приводило к усилению Московского княжества в экономическом и политическом отношении, обеспечивая в дальнейшем его ведущую роль в деле объединения северо-восточных русских земель. В этом отношении определенное значение имела и победа Ивана Калиты над Тверью. После гибели Александра Михайловича тверские князья уже не возобновляли борьбы с Иваном Калитой.

При Иване Калите бесспорно упрочилась государственная власть на Руси, „была заложена основа *могущества Москвы*“.¹ Москва стала центром государственного объединения всей северо-восточной Руси. „Заслуга Москвы, — говорит И. В. Сталин, — состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством. Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости. Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси“.²

Но борьба между князьями в период феодальной раздробленности Руси продолжалась и после княжения Ивана Калиты. Она захватила не только XIV век, но и весь XV век и была прежде всего борьбой за обладание землями и крестьянами как основным средством обогащения. Однако в это время ее стимулы далеко не исчерпывались стремлением отдельных князей к расширению своих вотчин, к обогащению. Особенно это характерно для феодальных войн между такими княжествами, как, с одной стороны, Московское княжество и, с другой стороны, Рязанское, Нижегородское или Тверское княжество. В этих войнах отдельные княжества добивались теперь не только расширения своих территорий, но и гегемонии над всеми русскими землями в целях объединения Руси для борьбы с татаро-монголами за национальную независимость. Движение к объединению русских земель сопровождалось и феодальными войнами и ожесточенной классовой борьбой. Борьба за объединение происходила не только между отдельными княжествами, но и внутри каждого из них. Великие князья боролись с удельными. Великих князей, собиравших русские земли в XIV—XV веках, поддерживали различные социальные группы населения: и часть бояр и духовенства, и нарождавшееся дворянство, и посадское население,

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 149.

² „Правда“, 1947, 7 сентября.

и крестьянство. Каждая из этих групп руководствовалась при этом своими особыми классовыми интересами и целями, так что „совместное“ выступление их на защиту великокняжеской политики свидетельствовало не о затухании классовых противоречий в период образования единого Русского государства, а, наоборот, об обострении классовой борьбы: в великом князе каждая группа искала опоры для борьбы со своим классовым противником.

По мере фактического объединения русских земель и связанной с этим политической и классовой борьбы и по мере возвышения Москвы начинает складываться и идеология единого Русского государства. Совершенно определенные ранние проявления ее улавливаются уже в первых общерусских сводах. В XV веке она обнаруживается в ряде литературных произведений разных жанров и в своеобразном „фольклоре“ — в политических легендах об исторических лицах и событиях, которые затем переходят в литературу и оформляются как „сказания“ и „повести“. Исследование одного из таких сказаний — „Сказания о Вавилоне граде“ — и является предметом настоящей статьи.

2

Изучение цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде имеет свою длинную, почти столетнюю, историю. Так, еще в 1854 году Ф. И. Буслаев в своей статье „О русских пословицах и поговорках“, исходя из неправильного понимания слова *об ж е н и н*, встретившегося в таком написании в том списке „Сказания о Вавилоне граде“, которым он пользовался, пытался объяснить происхождение этого произведения. Вот что он писал о нем: „Будучи отдельным членом эпического предания, притча заимствовала свое содержание из мифа и сказания. Так, притча об Обрах стоит в прямом отношении как к преданию о великанах, которые между прочим у славян носят название Обра, так и к древнему эпическому рассказу о каком-то Обженине“.¹

Ошибка Ф. И. Буслаева была отмечена в том же году А. Н. Пыпиным. В послесловии к издаваемому им по рукописи Рум. муз. № 374, XVIII в. тексту „Сказания о Вавилоне граде“ А. Н. Пыпин, опираясь на ряд известных ему списков „Сказания“, показал, что слово *об ж е н и н* должно читаться как *обе ж а н и н*, т. е. человек родом из Обез (из Абхазии), и никак не может быть сопоставляемо с названием народа — обры. Здесь же А. Н. Пыпин сформулировал свое мнение о происхождении „Сказания о Вавилоне граде“, которое он затем почти дословно повторил в своем „Очерке“.² Приводим это мнение А. Н. Пыпина, так как оно послужило исходным пунктом для всех последующих ошибочных попыток истолкования „Сказания“. „... не думаем, — писал А. Н. Пыпин, — чтоб самая сказка была русского происхождения. Неважное место, которое дается здесь русскому началу, достаточно на это указывает, тем более, что главное действующее лицо — греческий император. Как многие другие произведения подобного рода, и эта сказка была, вероятно, занесена к нам из Греции. Имя русина не дает еще права производить сказку из русского

¹ Архив историко-юридических сведений о России, кн. II, пол. 2, отд. IV, 1854, стр. 47—49.

² А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. 1854, стр. 100—101.

источника: подобныя вставки делаются очень легко, и были в старину в большом ходу, так как посредством их думали усвоить известное произведение своей национальности“.¹

Никаких фактических данных в подтверждение своей гипотезы А. Н. Пыпин привести не мог. Оснащаться „фактами“ гипотеза о нерусском происхождении сказаний и повестей о Вавилоне граде стала тогда, когда к изучению их обратились сторонники сравнительно-исторической школы: сперва А. Н. Веселовский, а затем И. Н. Жданов. А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов пошли значительно дальше А. Н. Пыпина и выдвинули целую систему ошибочных гипотез о происхождении, литературной истории, идейном смысле и значении цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде. Они прежде всего поставили своей целью доказать византийское происхождение не только „Сказания о Вавилоне граде“, на чем настаивал А. Н. Пыпин, но и всего цикла в целом. В этих целях они привлекли для сопоставления огромный материал, но все же не смогли указать в византийской литературе ни одного произведения, которое могло бы явиться прототипом „Сказания“ или какой-либо повести о Вавилоне граде. В итоге этих разысканий оказалось добытым только некоторое количество так называемых „параллелей“ к отдельным произведениям цикла, да и то большинство этих „параллелей“ было найдено в западноевропейских литературах, а не в литературе Византии. Но и этого материала было достаточно для того, чтобы А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов могли придерживаться гипотезы византийского происхождения сказаний и повестей о Вавилоне граде; при этом А. Н. Веселовский особенно конкретизировал изложение этой гипотезы. Обратив внимание на то, что в путешествии Антония (XII век) говорится о вавилонской грамоте, он пишет в своих „Заметках по литературе и народной словесности“: „Рассказ Антония нельзя отделить от послания Льва в русской повести о Вавилонском царстве. Это дает мне повод к следующим заключениям: 1) что уже в XII веке существовало в Византии сказание, сходное по типу и по имени главного действующего лица с посланием русской повести; 2) что послание это явилось эпическим ответом на вопрос о происхождении загадочных пророчеств о судьбе Византии, в котором знаменательно чередовались имена Даниила и Льва Мудрого“.²

Определяя далее „пути проникновения“ этого цикла произведений на Русь, А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов разошлись в своих мнениях. Первый придерживался уже прочно установившихся к его времени представлений о возникновении и развитии древнерусской литературы и поэтому писал: „...южно-славянский отпечаток (на сказаниях и повестях о Вавилонском царстве, — М. С.) остался, быть может, в некоторых именах, так что и в этом случае между древней Русью и Византией придется допустить южно-славянского литературное посредство“.³ Жданов же, отыскав очередную „параллель“ к циклу сказаний и повестей о Вавилоне граде в „Повести о царице Динаре“, которую он

¹ А. Н. Пыпин. Старинная русская сказка о Вавилонском царстве. Известия Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, т. III, СПб., 1854, стр. 319.

² См.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, г. XXXII, № 7, 1883, стр. 13.

³ А. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. I. М., 1894, стр. 410. — См. также „Отрывки византийского эпоса в русском“ (стр. 122).

считал повестью „грузинского происхождения“, и обратив внимание на то, что в списках „Сказания“ упоминается „обежанин“, а царица Александра считается родом „армянина“, иначе решил вопрос „о путях перехода“ сказаний и повестей о Вавилоне граде на Русь. „Сопоставление этих данных, — говорит он, — указывает, может быть, на область первоначального распространения повести о Вавилоне, но делать отсюда какие-либо выводы о путях перехода этого памятника в старо-русскую письменность, при отсутствии более точных указаний, не решаюсь. Вопрос может разъясниться при участии знатоков армянской и грузинской литературы“.¹

Расходились А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов и в решении вопроса о том, надо ли считать сказания и повести о Вавилоне граде частями одного первоначального произведения или следует думать, что они только позже слились в одно целое произведение. Понятно, почему этот вопрос встал перед представителями сравнительно-исторической школы: при предположении, что весь цикл сказаний и повестей о Вавилоне граде некогда представлял собою единое произведение, легче было, опираясь на различного рода „параллели“, решать основную проблему — проблему происхождения этого произведения. Поэтому А. Н. Веселовский вполне последовательно приходит к идее „свода“ всех сказаний и повестей о Вавилоне граде, создает этот „свод“ и в своей работе все время опирается на него как на реально существовавшее произведение. И. Н. Жданов приходит к иному выводу по этому вопросу: „Кроме повести о греческом посольстве в Вавилон, — пишет он, — в нашей старинной письменности известно было еще другое сказание о Вавилоне: „Притча о Вавилоне граде“. В этой притче, не безызвестной, как мы видели, и на западе, речь идет о Навуходносоре и сыне его Василии, о построении Вавилона и об его запусении. „Притча“ о Навуходносоре и повесть о послых царя Льва принадлежат, конечно, к одному и тому же кругу сказаний о пустынном Вавилоне, но нет достаточных оснований утверждать, что притча и повесть составляли когда-то одно литературное целое“.²

Не вполне одинаково решали А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов и вопрос об идейном содержании цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде. Оба они при решении этого вопроса обращали внимание прежде всего на те эпизоды „Сказания о Вавилоне граде“, в которых рассказывается о перенесении царского венца сперва из Вавилона в Византию, а затем из Византии в Киев, но приходили к разным выводам. А. Н. Веселовский объединил в одно произведение „Притчу о Вавилоне граде“ в ее полном составе (рассказ о Навуходносоре и о сыне его Василии Навуходносоровиче) и „Сказание о Вавилоне граде“ (о греческом посольстве в Вавилон) с добавлением краткого рассказа о передаче царских инсигний из Византии в Киев и писал по поводу этой никогда не существовавшей „повести“: „Во всей «Повести» нельзя не признать отражения византийского политического миросозерцания“. Это „византийское политическое миросозерцание“, или „византийское политическое самосознание“, по сути дела неизвестно кому принадлежавшее, состояло, по мнению А. Н. Веселовского, в представлении того, что „власть, символически выраженная в образе венца, перенесена с Востока в Византию, которая становится средоточием и источником царственного достоинства“ и в свою

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 46—47.

² Там же, стр. 151.

очередь передает эту власть другим странам и народам.¹ И. Н. Жданов прямо нигде не формулирует своего мнения об идейном смысле цикла сказаний и повестей о Вавилоне граде, но по косвенным данным видно, что он не соглашался с точкой зрения А. Н. Веселовского. Остановившись подробно на „знамениях“, приносимых из Вавилона, он пишет: „Только в русских повестях и сказках речь идет о царских инсигниях. Это дает основание предполагать, что упоминание о вавилонском венце не представляет существенной, исконной подробности рассматриваемого круга сказаний“.² Само собой разумеется, что этим самым И. Н. Жданов отрицал „отражение византийского политического миро-созерцания“ в цикле сказаний и повестей о Вавилоне граде.

Но эти „несогласия“ и „споры“ были несогласиями и спорами между представителями одной и той же „школы“, опиравшимися на одни и те же порочные методологические принципы компаративизма. Поэтому-то, расходясь в частностях, А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов сходились в главном — в признании византийского происхождения сказаний и повестей о Вавилоне граде. В угоду этому они отрицали наличие в первоначальном тексте центрального произведения цикла — „Сказания о Вавилоне граде“ — упоминания о „русине“, которое будто бы было позднейшей глоссой, попавшей в текст „Сказания“ на русской почве. И. Н. Жданов не остановился и перед тем, чтобы отрицать упоминание в этом круге сказаний и о царских инсигниях. Согласно основным принципам сравнительно-исторического метода, они создали „теорию“ о „путях перехода“ этих будто бы византийских произведений на Русь. Они ввели в научный оборот неправильную классификацию произведений рассматриваемого цикла, в конце затемнившую вопрос о времени их происхождения: классификацию, опирающуюся на ничем не оправдываемое следование за развитием сюжетной линии всего этого круга сказаний и повестей, а не на хронологию их возникновения.

Обо всем этом можно было бы сейчас и не говорить, но дело в том, что взгляды Пыпина—Веселовского—Жданова по этому вопросу еще сохраняются в нашей науке вплоть до настоящего дня.³

3

Не только дореволюционные ученые, но и советские авторы, говоря о сказаниях и повестях о Вавилоне граде, не опирались на данные текстологического изучения их в связи с русской исторической действительностью XV—XVII веков — временем наиболее интенсивного распространения этих произведений. А между тем изучение всей массы рукописей сказаний и повестей о Вавилоне граде и текстологический анализ их могли бы прояснить ряд вопросов литературной жизни произведений этого цикла.

Учтем прежде всего то, что из всех произведений рассматриваемого цикла наибольшим числом списков представлено „Сказание о Вавилоне граде“. На его долю приходится около одной трети всех списков. Кроме этого, „Сказание“ входит в большинство сводных

¹ А. Н. Веселовский. Отрывки византийского эпоса в русском, стр. 163, 164, 165.

² И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 37.

³ Наш взгляд на „Сказание“ см.: Известия Отделения литературы и языка АН СССР, т. VII, вып. 3, 1948, стр. 197—199.

текстов, так что можно указать буквально только единичные списки „Притчи“, в которых его нет. Вместе с тем крайне характерна и хронология списков: списки „Притчи“ и сводных текстов не восходят к более раннему времени, чем конец XVI—начало XVII века, в то же время „Сказание“ нередко встречается в списках XVI века, а один раз даже в списке конца XV века. Эти, на первый взгляд внешние, данные приобретают большое значение при решении вопроса о генеалогических отношениях между произведениями цикла, взятого в целом.

Анализируя текст „Сказания о Вавилоне граде“, которое чаще всего распространялось в рукописях как отдельное самостоятельное произведение, и затем сравнивая различные списки „Сказания“ с его текстами, вошедшими в своды, мы убеждаемся в том, что в сводах мы встречаемся уже с более молодыми текстами его. Пропуски, искажения, добавления, перестановки — все то, что отличает эти тексты от текста „Сказания“ конца XV века, — дают возможность установить это безошибочно.

Благодаря этому становится совершенно очевидно, что все сводные тексты, объединяющие „Сказание о Вавилоне граде“ с притчами или повестями разных видов, могли как своды возникнуть только на русской почве. Кроме этого, можно даже, опираясь на генеалогию текстов „Сказания о Вавилоне граде“, установить хронологическую последовательность возникновения сводных текстов, так как эти последние при своем образовании обычно включали в свой состав типичный для данного времени — в смысле широкого распространения — текст „Сказания“. Так, можно с большой долей вероятности предполагать, что одним из древнейших сводных текстов цикла сказаний и повестей о Вавилоне граде является текст, представленный поздним списком XVIII века (ГИМ, Сокол. № 143) и отрывком текста XVII века (ГИМ, Барс. № 2134). Это тот свод, в первой части которого создание змея приписывается вавилонским юношам. Несмотря на сильно обновленный язык этих списков, особенно списка собрания Соколова № 143, сам сводный текст отличается чертами древности. Вошедшее в него „Сказание“ по своим характерным чтениям совпадает с текстами XVI века. Конечно, одного этого обстоятельства недостаточно для того, чтобы быть вполне уверенным в составлении самого свода в XVI веке, но все же оно подводит нас к этому предположению.

Вторым по времени образования сводным текстом необходимо считать текст, объединяющий повести, или притчи, о Навуходоносоре, его сыне Василии и „Сказание о Вавилоне граде“. Один из лучших списков этого свода — это список ГПБ, Титов. № 1506 (1512), XVII в. Текст „Сказания“, вошедший в свод, поздний, очевидно начала XVII века. Он, между прочим, существует и в отдельном виде, например в рукописи ГИМ, № 3710, XVII в. Таким образом, учитывая время возникновения текста „Сказания“, попавшего в данный свод, мы можем датировать образование самого свода не ранее начала XVII века.

Среди списков этого свода есть списки, заслуживающие особого упоминания: это — список ГИМ, Синод. № 850, XVII в. и список БиЛ, Унд. № 643, XVII в. Первый из них был издан Н. Тихонравовым,¹ а в наше время неоднократно перепечатывался Н. К. Гудзием в его

¹ Н. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности 1859—1860, т. III, кн. 5. М., 1861, стр. 20—26.

„Хрестоматии по древней русской литературе“; второй известен только в рукописи. Списки эти замечательны тем, что в них встречается обстоятельное описание битвы Навуходоносора с войсками иноземных царей, окруживших Вавилон, с подробным перечнем численности войск Навуходоносора и его врагов, с указанием имен вавилонских военачальников и иноземных царей. Здесь упоминаются „воеводы“ Навуходоносора — Тевриз Морейстрович, Атлан Вавилонский, Дяткович властеличник Болгаристр и предводители вражеских войск — цари Тракийские и Далматинские. Имена эти ввели в заблуждение акад. А. С. Орлова, который еще не так давно писал по этому поводу: „Эта «Притча», скомпанованная из книжных и фольклорных мотивов, дошла в поздних текстах, но возможно, что существовала и в XV веке (и ранее). Позволим себе высказать предположение, что она создалась у сербов, например на далматинском побережье, где сильно была западная стихия. На Балканский полуостров могут указывать заглавие — «Притча», такое название, как «Морейстрович», «Болгаристр» (Истр — Дунай) и упоминание между врагами Навуходоносора царей «Далматинских»“.¹ Но гипотеза акад. А. С. Орлова рушится, как только мы обращаемся к рукописям. Список ГИМ, Синод. № 850 дефектный, в нем не достает последней части — рассказа о послых царя Алевуя. Список БИЛ, Унд. № 643 полный. Сравнивая его с лучшим списком, представляющим данный сводный текст, со списком ГПБ, Титов. № 1506 (1512), мы видим, что он является многоречивым вариантом этого сводного текста, что автор его протографа склонен был, не внося существенных изменений в повествование, везде чисто фразеологически или за счет различного рода деталей расширять повествование. Картина сражения Навуходоносора им также расширена за счет „исторического“ баснословия. Если учесть, что эта работа могла осуществиться только в середине или во второй половине XVII века, тогда станет понятен и интерес автора к ней: элементы „исторического“ баснословия были нередки в литературе этого времени.

Не останавливаясь сейчас подробно на решении сложного вопроса о происхождении рассказов о Навуходоносоре и его сыне, вошедших в сводный текст этого вида, отметим однако, что если считать их поздними произведениями русского происхождения, то встречающуюся в них фантастическую этимологию имени Навуходоносора можно вести от того вида переводных памятников, один из которых в иных целях указал еще И. Н. Жданов.²

Третьим по времени образования сводным текстом, очевидно, надо считать текст, характерной особенностью которого является совершенно

¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 224.

² И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 42—44. — Здесь И. Н. Жданов ссылается на переводную статью, представляющую собою толкование на пророчество Даниила, и печатает ее параллельно с латинским текстом. Для нас особенно интересно следующее место статьи: „Глаголет же ся не в конх историях, яже Навуходоносор сей первое назван бысть сим именем, и сие от случая, понеже егда новорожен бысть, бе в дубраве повержен и оставлен, но по божию устроению прииде коза дикая, отроча млеко питая, яко писано есть в псалме: храний младенца господь; сова же надлете на древо надо огроком, ея же прокаженный по лесу преходя видев и начя дивитися, понеже та птица мало является в день, сего ради прилежнейше внемля узре козу сосящу отроча под дровом, его же взем кормити, сътвори его же Навуходоносором, от случая прозва. Наву бо сова глаголется в том языке, ходо — коза, носор — прокаженный“ (Список ГПБ, Соф. № 1464).

явная связь с апокрифом о Соломоне и царице Малкодушке.¹ По рукописям мы можем проследить самый процесс его возникновения. В так называемых сборниках неопределенного состава мы часто наталкиваемся на тенденцию составителя или составителей сборника располагать материал по какому-либо определенному признаку, чаще всего — тематическому. Это относится и к тем сборникам, в составе которых мы обнаруживаем „Сказание о Вавилоне граде“ или один из сводных текстов цикла повестей и сказаний о Вавилоне граде. Повести и сказания этого цикла в сборниках также окружаются близкими им по своей тематике произведениями. Так, например, в рукописи БиЛ, Увар. № 1824 (536), (401), XVII в. перед „Сказанием о Вавилонском царстве“ (сказание о посольстве; лл. 218—223) помещено „Бытие о Царе граде, како создан бысть царем Константином“; в рукописи ГПБ, ОЛДП № ССХЛ (5135) вслед за „Повестью о Вавилоне граде“ (сказание о посольстве; лл. 2—4) читается статья „Повесть о Цари граде, колико было драгих вещей...“ (это начало книги Антония новгородского) и пр. Наряду с этим значительно обоснованнее было предварение повестей и сказаний о Вавилоне граде апокрифом о Соломоне и царице Малкодушке, в котором повествуется о рождении у царицы Малкодушки от Соломона сына, того самого, который позже стал знаменитым Навуходоносором. Апокриф, таким образом, органически входил в биографию Навуходоносора — главного героя цикла сказаний и повестей о Вавилоне граде. Поэтому неудивительно, что в ряде рукописей мы обнаруживаем апокриф о Соломоне и царице Малкодушке перед одним из сводных текстов (второго типа по нашей классификации) сказаний и повестей о Вавилоне граде. Очевидно, кем-то из составителей сборников он намеренно был извлечен из состава Пален и помещен перед объединенными уже в сводном тексте сказаниями и повестями, или притчами, о Вавилоне граде. На этом месте он находится в рукописи БиЛ, № 589 (Пискарев, № 154), XVII в., в рукописи БиЛ, Унд. № 643, XVII в. и в других. Отсюда был только один шаг к полному слиянию апокрифа с циклом сказаний и повестей о Вавилоне граде, и этот шаг был сделан. Так образовался новый сводный текст изучаемого цикла произведений.

Это не было механическим объединением разнородных произведений. Автор свода значительно переработал свои источники. Рассказ об отношениях между Соломоном и Малкодушкой им отнесен к Навуходоносору и дочери Неврода, предшественника Навуходоносора в Вавилоне. Автор остроумно подчинил этот рассказ новой цели: Навуходоносор намеренно ставит свою жену-царицу в неудобное положение, чтобы благодаря этому выведать тайну своего происхождения и смысл своего имени. Создается новая версия происхождения Навуходоносора, основанная на новой русской этимологии его имени и имени Неврода. Неврод — это царь, у которого *не* родился сын; он вынужден был вследствие этого усыновить „детище“, которое он *находит* „на сору лежаща“ (Наход-на-сор). В остроумной и живой сцене между Навуходоносором и его женой это все раскрывается. Оскорбленная царица в ужасе воскликнула:

„О, неотечь ты сын! Что ты мя острамотил!“. Царь же ей рече: „Како есмь аз неотечь сын?“. Царица же ему рече: „Отец мой по случаю некоему ходил по граду и найде тебя на пути повержена на

¹ Впервые это было отмечено еще Н. Тихонравовым (Летописи русской литературы и древности, т. I, стр. 162).

сору. Потому тебе он и имя дал Навуходонасор царь!“. Царь же посмеяся, приемь ея за руку, рече: „Воистинну ныне уведал аз свое рождение и имя!“¹

Вследствие того, что в основу повествования о Навуходоносоре здесь положена новая этимология его имени, автор свода вынужден был опустить весь рассказ о царе Аксерксе. Из рассказа о Навуходоносоре он удержал только краткие упоминания о построении нового города, создании из камня змея, окружающего город (с характерной подробностью о горящем „в челюстях“ змея угле, раздуваемом мехами „на устрашение людям“; с подробностью, которая связывает данный свод с предыдущим сводом, тоже поздним), и изображении „змиева зрака“ на зданиях, утвари и одеждах. Затем он расширил свое повествование известной легендой о трех отроках, сожженных Навуходоносором в печи, и опустошение Вавилона ожившими змеями и его запустение поставил в связь с этим „богомерским преступлением“ Навуходоносора. Рассказ о Василии Навуходоносоровиче вследствие этого также должен был выпасть из нового свода.

Последняя часть рассматриваемого свода — рассказ о том, как послы греческого царя Василия приносят ему из Вавилона царские инсигнии. Но и здесь новые черты: послы уже при отъезде получают наказ „искати сердоликову крабицу, что положен царский виссон и порфира и скипетр и шапочка мономахова“. Соответствующим образом переделывается и заключительный эпизод рассказа о посольстве: „Мужие же принесоша ко царю своему Василию знамение из Вавилона: сердоликову крабицу, в ней же лежит царский виссон и порфира и шапочка мономахова и жезл царский“. Следует отметить, что в этом своде „шапочка мономахова“ настойчиво присваивается вавилонским царям. Но особенно интересны заключительные строки свода:

„Услышав же князь Владимир Киевский, что царь Василий получи такие великие царские вещи, и посла к нему своего посла, чтоб ево чем подарил. Царь же Василий ради чести своей посла князю Владимиру в Киев в дарех сердоликову крабицу да мономахову шапочьку. И с того времени прослыша великий князь Владимир Киевский — Мономах. А ныне та шапочка в Московском государстве в соборной церкви. И как бывает властiapоставление, тогда ради чину воскладывают ея на главу“.

Таким образом очевидно, что в последней части свода составитель его пользовался теми сведениями о „царских вещах“, какие впервые появились в политической литературе Московского государства в известном „Сказании о князех владимирских“. Указанная нами приписка давно уже известна в научной литературе; сделанные из нее выводы вошли и в учебные пособия. Но об этом всегда говорилось и говорится как о раннем факте, относящемся то к концу XV века, то к началу XVI века; как о факте, связанном „с развивавшейся идеей преемственности Москвой византийского наследства“ и свидетельствующем о создании идеологии московского самодержавия.² Но не был подвергнут критическому рассмотрению основной вопрос: когда эта приписка была сделана? А между тем этим ведь определяется ее значение в литературной жизни цикла повестей и сказаний о Вавилоне граде. Мы видели

¹ В этом разделе мы везде ссылаемся на рукопись ГИМ, Барс. № 1667, XVII в.

² М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914, стр. 416; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 248.

уже, что сводный текст, в котором она встречается, третий по счету, нельзя признать ранним, так как он в свою очередь опирается на свод, созданный не ранее начала XVII века. Время появления этого свода дает возможность понять истинный смысл слияния в нем двух широко известных в древней Руси произведений.

Рассматривая же этот свод на фоне исторической действительности начала XVII века, мы можем правильно понять его идейный смысл. В период первого и особенно второго ополчения идея борьбы против польско-литовской интервенции, против польского короля получает широкое признание и по политическим и по религиозным соображениям. Патриоты этого времени ополчались на борьбу „за веру православную, за Московское государство на разорителей польских и литовских людей“. Подъем национальных чувств и неприязнь к полякам как к католикам были так сильны, что польские кандидатуры на московский престол не могли иметь значительного успеха. И когда второе ополчение освободило кремль и временное правительство созвало Земский собор, который должен был избрать царя, то первое же постановление собора было: „а литовского и свейского короля и их детей, за их многие неправды, и иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать...“. Есть все основания предполагать, что идеологи Московского государства этого времени стремились к тому, чтобы новый царь „учинился на царстве по прежнему обычаю“, который возводился ко времени Владимира Мономаха и особенно хорошо был разработан в „чине царского венчания“ времени Ивана IV с упоминанием барм и шапки Мономаха. Естественно было именно в это время припомнить старые легендарно-политические сказания, которые вели происхождение самих „царских вещей“, т. е. инсигний, из глубокой древности, но минуя „латинский“, католический, Запад. В этом, как и в осознании успехов реальной политики, находили удовлетворение возросшие национальные чувства различных слоев московского населения начала XVII века.

В ближайшие же десятилетия известна попытка более тесно связать этот свод с личностью Михаила Федоровича, но дальше чисто внешнего приурочения содержания одного из эпизодов свода ко времени первого Романова неизвестный „писатель“ не пошел. Так, в списке Бил, Тихонр. № 18, XVII в., в конце свода мы читаем:

„И от того дни прослы великий князь Владимир (Мономах). И ныне та шапочка Мономаха царя, еже взята в Вавилоне, в российском царстве в Московском государстве у царя государя и великого князя Михаила Феодоровича всеа России самодержца. Дай бог спасен и здрав был на многия лета царь государь и великий князь Михайло Феодоровичь всеа Руси самодержец с своим с сыном с благоверным царевичем... царствовал в той мономаховой шапочке на многа лета...“.

Подводя итог этому беглому обзору текстов сказаний и повестей о Вавилоне граде, мы видим, что к раннему периоду московской литературы, к XV веку, возможно отнести только „Сказание о Вавилоне граде“ (рассказ о греческом посольстве в Вавилон). Остальные же произведения этого цикла, сводные тексты, могли возникнуть никак не раньше второй половины XVI—начала XVII века. Их место как цельных и законченных произведений в литературе этого времени. Что же касается вопроса о происхождении составных частей сводных текстов, т. е. повестей, или притч, о создании Вавилона и его заустени, то этот вопрос должен решаться особо.

В настоящей статье мы останавливаемся на решении ряда вопросов, связанных с изучением только „Сказания о Вавилоне граде“.

4

„Сказание о Вавилоне граде“ отличается стройной композицией и последовательно раскрываемой фабулой.¹ В нем нет следов „швов“, образующихся при соединении нескольких источников, при вставках или при позднейшей переработке первоначального текста. А эти швы неизбежно появились бы, если бы были правы компаративисты в своем представлении о литературной истории „Сказания“: о том, что упоминание о „русине“ появилось на русской почве и рассказ о добывании царского венца „не представляет существенной, исконной подробности рассматриваемого круга сказаний“ (И. Н. Жданов). Цельность „Сказания“ противостоит этим предвзятым „теориям“.

„Сказание о Вавилоне граде“ членится на три части. Первая знакомит читателя с главными действующими лицами повествования и указывает цель отправки послов в Вавилон. Причем многое здесь сказано еще неясно и неопределенно и вполне раскрывается только в последующем повествовании. Греческий царь Лев, в крещении Василий, „первое посла три человекъ крестьяньскаго роду и соуръскаго“, но они на это отвечают царю: „Неподобно намъ тамо ити, но пошли из грекъ гричина, из безъ Ѡбжанина, из роуси роусина“. И царь „посла, яко хотяхуть“. Здесь не объясняется, почему первым послам „неподобно тамо (в Вавилон) ити“ и почему в составе посольства необходимо наличие „гричина“, „Ѡбжанина“ и „роусина“, — из дальнейшего повествования это станет ясным. Но следует отметить, что именно такой состав посольства в самом же начале сказания считается основой успеха всего дела. Этим послам царь Василий поручает „испытати (т. е. испросить, разузнать) зднамения“ в Вавилоне у гроба Анании, Азарии и Мисаила; при этом содержание „зднамения“ никому не известно, — это также разъяснится впоследствии. Царь дает обещание: „Аще боудеть зднамение святыхъ здѣ, да не ѡтлоучюся от Ероусалима, но боудоу подобникъ вѣрѣ хрестьяньствѣи и поборникъ на врагы иновѣрныя за род хрестьяньскый“. В этой части „Сказания“ уже все намечено — и цели посольства в Вавилон и состав его, но ничто еще не раскрыто.

Вторая часть „Сказания“ чисто повествовательная. Здесь рассказывается о том, как послы царя Василия приходят к Вавилону. И сразу же обнаруживается, что только посольство в таком составе, в каком его снарядил Василий, может попасть в Вавилон и достигнуть своей цели, так как чудесное указание, как проникнуть внутрь города через спящего змея, оказывается написанным по частям последовательно на греческом, абхазском и русском языках:

„Бяшетъ тоу лѣствица от древа коупариса прилождена чресь змѣя, а написано бо бяше на ней три слова грѣческы, обезскы, роускы. Первое слово, грѣческы: «Котораго человекъ богъ принесеть к лествицѣ сей...». Второе слово, обезскы: «да лѣзеть чресь змѣя без боязни...». Третье слово, роускы: «да идеть с лѣствицѣ чресь платы, до часовницѣ»“.

С другой стороны к змею также прислонена лестница, ведущая внутрь города, и на ней „написано тако же“. Непонятный сперва состав по-

¹ В этом разделе статьи мы везде ссылаемся на список „Сказания“, ГИМ. № 2952, XV в. (см. ниже, текст сказания, стр. 142—144).

сольства находит свое оправдание по самому ходу действия. Если предположить, что упоминание о „Шулуланине“ и „роусине“ — позднейшая вставка и в первоначальной редакции „Сказания“ этого упоминания не было, разрушится вся композиция произведения. Становится очевидным, что в художественном замысле „Сказания“ участие в добывании царских инсигний, наряду с греком, абхаза и русского занимает одно из центральных мест.

У гроба трех отроков послы просят „эзнамения“ и не находят ответа. Они готовы принять за знамение кубок с вином, стоящий на гробе Анании, и думают унести его к царю. В представлении послов знамение материализуется, приобретает значение предмета, знака. И когда чудесный голос приказывает послам искать „эзнамение“ в царских палатах, они обнаруживают здесь на царском одре „два вѣнца — царя Навходоносора и царицы его“. В грамоте, которую здесь же видят послы, объясняется история этих венцов и указывается, что они должны быть возложены „на царѣ богохранѣмомъ Василѣи и царѣцѣ блаженни Александрѣ молитвами святыхъ трехъ отроковъ“. Весь этот рассказ раскрывает соответствующее место первой части „Сказания“. Цель посольства теперь становится совершенно ясной.

Обнаружение венцов царя Навходоносора вместе с грамотой, определяющей их дальнейшее назначение, — это кульминационный пункт всего повествования. Без него не мыслимо само „Сказание“. Каким рисовалось „Сказание“ в его первоначальном виде И. Н. Жданову, когда он утверждал, что добывание царского венца „не представляет существенной, исконной подробности“ его, понять невозможно.

Связывая в крепкий узел все основные нити повествования, автор отмечает еще некоторые незначительные поступки послов в Вавилоне, рассказ о которых переключается и со вступительной частью „Сказания“ и с его заключением. К их числу относится упоминание о том, что послы взяли в царских палатах „кубокъ таковъ же, яко же оу трехъ отроковъ“, и среди „камения многоцѣннаго и драгого“ камней „великихъ числомъ 20“. Ниже мы еще возвратимся к этим подробностям рассказа. Затем повествуется о возвращении послов, со сказочным эпизодом пробуждения змея и пр.

В третьей части „Сказания“ действие переносится в лагерь царя Василия. Послы настигают царя на расстоянии 16 дней пути от Вавилона, и каждый из них рассказывает ему о выполнении поручения. Патриарх принимает от послов венцы царя Навходоносора и, прочитав грамоту, возлагает их на царя Василия и царицу Александру.

Основная линия повествования исчерпана: венцы царя Навходоносора, добытые в Вавилоне представителями трех стран — Греции, Абхазии и Руси, возложены на головы греческого царя и царицы. Но сложный рассказ еще не окончен.

Отправляя послов, царь Василий давал обещание, что в том случае, если „боудеть эзнамение святыхъ“, он „не отлучится“ от Иерусалима. Теперь, в заключительной части „Сказания“, рассказывается, что царь повелел „наполнити соухимъ златомъ“ кубок, — тот самый, который послы принесли из палат Навходоносора, — и вместе с пятью дорогими камнями, — тоже из числа принесенных послами, — отослал его в Иерусалим к патриарху. Так завершается рассказ о первой части обещания царя Василия.

„Сказание“ затем как бы обрывается на повествовании о намерении царя Василия итти в Индию и на том, что критский царь Давид дает ему совет вместо Индии итти „на страны полунощныя“. Заметив это,

А. Н. Пыпин писал в свое время: „Упоминание Индии и царя Давида показывает, кажется нам, что сказка о Вавилонском царстве едва ли не есть только часть другого, более обширного предания“.¹ Но это не так. Заключительные слова „Сказания“ не что иное, как рассказ о том, как осуществляет царь Василий вторую часть своего обещания: „... но боуду... поборникъ на врагы иновѣрныя за родъ хрестьяньскый“. Осуществлением этого обещания, собственно, и оканчивается „Сказание“. Одарив и отправив послов на родину („пойдѣта с миромъ, гдѣ соуть отди ваши и матери“), царь решает идти походом на Индию: „Царь же оттолѣ восхотѣ ити во Индѣю. Давидъ же царь критьскый рече: «Пойди на страны полунощныя, на врагы иновѣрныя, за родъ хрестьянскъ»“.

Это прочтение „Сказания“ убеждает нас в его цельности и стройности. Автор его как бы сам прослеживает развитие не только основных линий фабулы, но и второстепенных ответвлений ее, — настолько в его рассказе все строго согласовано. Участие в посольстве грека, абхазца и русского ни в коем случае не является случайной или поздней чертой повествования, так как исконность этой особенности „Сказания“ подтверждается самой композицией его. Столь же крепко с его композицией и фабулой связан и рассказ о добыче царских инсигний. Все содержание „Сказания“ можно выразить в немногих словах: царские инсигнии для греческого царя были добыты посольством в составе „гречина“, „обезанина“ и „русина“. Но в таком случае окажется, что автор „Сказания“ весьма настойчиво и прозрачно выражает мысль о равноправии или равенстве на исторической арене трех христианских стран: Византии, Обезии и Руси.

Если это так, то где и когда, в какой исторической и политической обстановке могла созреть эта идея?

5

Мысль о равноправии или равенстве Византии, Обезии и Руси могла возникнуть только в определенной конкретно-исторической обстановке, вернее всего, в обстановке наступления ислама на христианские православные страны в конце XIV века и первой половине XV века.

Со времени завоевания османскими турками Галлиполи и фракийского Херсонеса, т. е. с 1357 года, начинается наступление их на Сербию и Болгарию. Уже в 1362 году турки заняли города Старую Загору и Филиппополь; в 1371 году при Чермене на реке Марице они разбили соединенные силы Македонии, босняков и хорватов; в 1372 году захватили Ихтиман, Самоков и всю южно-болгарскую область, а в Македонии — Шип, Прилеп и Биталь; в 1383 году пала София. Второе болгарское царство было накануне своей гибели. Внутри его не затихали междоусобные распри, оно не получало поддержки и извне, от соседних государств.

Один за другим падают города Тырново, Провадия, Варна, Шумен и, наконец, Никополь, в котором укрепился Иван Шишман (1388). После этих поражений Иван Шишман вынужден был признать Болгарию в вассальной зависимости от турок, но, очевидно, продолжал готовиться к борьбе, так как в 90-е годы этого века турки предпринимают ряд походов в Болгарию. Отстоять свою независимость

¹ А. Н. Пыпин. Старинная русская сказка о Вавилонском царстве. Известия Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, т. III, 1854, стр. 320.

болгарам не удается. В 1393 году турки снова берут Тырново, в 1394 году занимают Добруджу, Силистру; в 1396 году Иван Срацимир без боя сдает Видину. С этого времени Болгария на долгие столетия оказывается под властью османских турок.

Уже поражение на реке Марице в 1371 году сильно подорвало военную мощь Сербии. В битве этой погиб и король Вукашин, герой сербского народного эпоса. Король Лазарь, владевший северной Сербией, стал копить силы для борьбы с турками. Ему удалось собрать огромную по тому времени армию в 60 тысяч человек, которая встретила с турками на Коссовом поле. В первом же сражении с турками король Лазарь попал в плен и был казнен над трупом Мурада. Это вызвало панику в сербских войсках. Сербы потерпели полное поражение на Коссовом поле, и самый день битвы — день св. Вита (сербск. — Видовдан, 15 июня 1389 года) — остался в памяти сербского народа как самый трагический день сербской истории. Сербия потеряла независимость и была обложена тяжелой данью. И хотя отдельные князья, добиваясь поддержки турок, пытались удержаться у власти, это уже не могло иметь особо важного политического значения: подлинная самостоятельность Сербией была утеряна, а через 70 лет после битвы на Коссовом поле, когда султан Мухаммед прекратил и эти отдельные попытки сербских князей, вся страна (за исключением Белграда) стала турецкой провинцией (1459). Так сложились исторические судьбы Болгарии и Сербии к началу XV века.

Успешные войны османских турок с Византией на протяжении всего XIV века и их победы на Балканах в конце этого века сильно изменили международное положение православного Востока. Болгария и Сербия потеряли свою независимость. На исторической арене, в представлении русского книжника XV в., остались Византия, ослабленная и урезанная в своих границах, Обезы (обычное в древней Руси обозначение Абхазии) и Русь. Именно такое представление о положении „православного мира“ в первой половине XV века нашло свое отражение в идейно-художественном замысле „Сказания о Вавилоне граде“, своеобразно преломившись в идее равноправия или равенства Византии, Грузии — Абхазии и Руси.

· 6

Но в какой стране могла появиться эта идея?

Вся история отношений Византии к народам, принявшим от нее христианство, свидетельствует о том, что эта идея не византийского происхождения. „Интересы государства и церкви в Византии по отношению к этим народам, — говорит М. Дьяконов, — заключались в том, чтобы поддержать в их глазах авторитет мировой монархии и вселенской церкви“.¹ На всем протяжении исторической жизни Византии императорская власть представлялась греческим политическим деятелям всемирною и исключительною. Византийский император считался единственным представителем мировой империи и единственным законным главой всех христиан. Даже за римскими императорами не признавалось право на одинаковое с ним положение. „Новообращенные“ народы столетиями воспитывались в убеждении, что все христиане являются подданными византийского императора; и греческие политики стремились достигнуть на практике того, чтобы все страны, куда проникало

¹ М. Дьяконов. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XV в. СПб., 1889, стр. 2.

христианство из Византии, поставить в зависимость от византийского императора и в политическом и в церковном отношении. На истории взаимоотношений Византии и древней Руси мы видим, с каким исключительным упорством Византия пыталась добиться осуществления этих взглядов на практике.

Византийская церковь, согласно своей доктрине о императоре как помазаннике божьем и покровителе вселенской церкви, принимала все меры прежде всего к тому, чтобы поддержать авторитет императора в управлении русской церковью. В грамотах о поставлении митрополитов всея Руси константинопольские патриархи обычно свидетельствуют, что это поставление совершено „по соизволению и согласно высочайшаго и святаго моего самодержца“, „по благоизволению и согласию высочайшаго и святаго моего самодержца“, „благоволением и поспешением святаго боговечнаго царя“ и т. п.¹ В компетенцию императора входил также вопрос о границах русской митрополии и ее единстве. В спорных случаях по этому вопросу император или выпускал особый хрисовул, или председательствовал на соборе, разбиравшем дело, или давал свое „распоряжение и определение“.²

Но греческим политикам нельзя отказать в трезвом восприятии и правильном понимании исторической и политической обстановки. Императорские грамоты, которые иногда сопровождали решения императоров или постановления соборов по делам русской митрополии, наглядно показывают это. Тон этих грамот имеет характер убеждения, а не предписания.³ Чем более ослабевала Византия, тем яснее ее политики давали себе отчет в невозможности добиться политической зависимости Руси от империи; тем чаще стремились они предотвратить резкие конфликты, если они назревали; иногда отказывались от своих требований, а затем вновь выдвигали их. Одним из вопросов, обнаруживающих эту гибкость византийской политики по отношению к древней Руси, ее уступчивость и в то же время упорство в достижении поставленных целей, является, как известно, вопрос об избрании и поставлении константинопольским патриархом высших представителей русского церковного управления. М. Дьяконов приводит интересные данные о поставлении митрополитов на русскую митрополию. „Митрополиты греки, — пишет он, — были преобладающим явлением в течение всего времени, пока поставление на митрополию всея Руси происходило в Константинополе. До монгольского ига из 21 митрополита только двое были несомненно русские, и те были поставлены собором русских епископов. После монгольского ига митрополитами всея Руси были четверо русских, поставленных в Константинополе“.⁴ Но и эти немногие отступления от обычной практики в глазах константинопольских патриархов были нежелательным явлением, поэтому некоторые из константинопольских патриархов сообщали об избрании митрополитом русского сопровождают в своих грамотах подлинно юридическими оговорками, боясь создания прецедента. В этом отношении весьма характерна грамота о поставлении митрополита Алексея. „Мы, — говорится в этой грамоте, — хотя это совершенно необычно и не вполне безопасно для церкви, согласились на это только относительно одного кир Алексея, но отнюдь не допускаем и не дозволяем на будущее

¹ Акты исторические, т. I, № 254; Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., стр. 48, 54, 68, 182.

² Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., № 3, стр. 74, 76, 226.

³ Там же, стр. 34 и 40.

⁴ М. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 5.

время никому из русских уроженцев сделаться тамошним архиереем...“.¹

Нет фактов русской истории, свидетельствующих о том, чтобы упорное стремление Византии через церковные дела или непосредственно добиться политической зависимости Руси имело успех хотя бы на короткое время. Но идея эта возникла в Византии очень рано, и вполне отказаться от нее империя не могла вплоть до падения Константинополя. Это и понятно: признание права „новообращенного“ народа на независимость в церковном и политическом отношениях противоречило основной теории византизма — теории мировой монархии и вселенской церкви.

Трудно представить себе, чтобы византийский писатель любого времени и, в частности, первой половины XV века, мог написать произведение, подобное „Сказанию о Вавилоне граде“. В Византии оно могло бы прозвучать как памфлет. Его идея о равноправии или равенстве греков, „обез“ и русских в корне противоречит византийским воззрениям на народы, принявшие христианство из Византии, — воззрениям, сложившимся исторически и получившим каноническое обоснование.²

Названием „Обезы“ в древней Руси, как известно, обозначались абхазцы (абазги, абхазы) или, вернее, их родина. Киевская Русь, повидимому, поддерживала с ними оживленные сношения, и упоминания об обезах довольно часто встречаются в наших летописях. Так, например, в Ипатьевской летописи под 1154 годом читаем: „Посла Изяславъ второе сына своего Мьстислава противу мачесъ своей, бѣ бо повель из Обезъ жену себѣ цареву дщерь“; здесь же под 1201 годом говорится о Романе Галицком, что он „ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганяны измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока за Обезы за Желѣзныя врата...“; в рассказе о первом нашествии татар в Лаврентьевской летописи: „Слышахомъ, яко многы страны поплѣниша — Ясы, Обезы, Касогы...“. Позже в летописях обезы упоминаются под 1352 годом, когда постиг их мор, во время завоеваний Тамерлана и пр. Вполне понятен этот интерес древней Руси к Обезам. Абхазия была христианской страной (в 550 году в ней уже были христианские церкви), границы которой лежали недалеко от древнего Тмутараканского княжества. Возможно, что уже в это время между русскими и абхазцами были торговые и иные связи. Во всяком случае отмеченное летописью для XII века родство русского князя с царем Обез предполагает какие-то более ранние связи между двумя народами. Русские, кроме этого, могли встречаться с абхазцами в монастырях Афона и в других местах.

В то время, когда под ударами турок теряли свою государственную самостоятельность Болгария и Сербия, в жизни Абхазии и Грузии также происходили крайне важные события. С 1386 года началась длительная борьба Грузии с Тамерланом, которая продолжалась в дальнейшем с его наследниками до 1411 года. Разорение Грузии во время этой борьбы было так велико, что она не могла оправиться от него на протяжении ряда столетий. Города, крепости и монастыри лежали в развалинах. Виноградники, сады и даже, в ряде мест, леса были

¹ Там же.

² Там же, стр. 1—2; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. I. 1880, стр. 226, примеч. 2; Т. В. Барсов. Константинопольский патриарх и его власть над русскою церковью. СПб., 1878, стр. 364—365, 443—445; А. С. Павлов. Теория восточного папизма. Православное обозрение, декабрь, 1879, стр. 754.

вырублены. Население во многих районах, особенно в равнинных, сократилось наполовину. Сократился объем и снизился уровень народного хозяйства. Наука и искусство пришли в упадок. И несмотря на то, что вслед за этим наступило сравнительно спокойное время тридцатилетнего царствования грузинского царя Александра I с его широкими восстановительными планами, страна все же не могла уже вполне оправиться.

Тем более не могло это произойти еще и потому, что в царствование Александра I заметно усилились крупные феодалы, а в связи с этим и феодальная эксплуатация трудового народа. Грузинское царство было накануне своего распада. Но современники не видели надвигавшихся событий, и восстановление при Александре I городов, крепостей, дворцов и монастырей воспринимались ими как возрождение лучших времен, как расцвет страны.

Казалось, что Грузия, третье по счету христианское свободное государство в первой половине XV века, вновь окрепла на многие годы. Очевидно, именно такое восприятие Грузии времени царя Александра I нашло свое отражение в „Сказании о Вавилоне граде“ в признании ее равноправной с Византией.

Но в „Сказании“ речь идет об Обезах, а не о Грузии. Вот именно эту особенность „Сказания о Вавилоне граде“ мы считаем драгоценнейшей реалией определенного исторического времени. Она помогает правильно подойти к решению трудного вопроса датировки этого произведения.

Конец XIV века и начало XV века — это было то время в истории Грузии, когда среди всех областей Грузинского царства Абхазия заняла совершенно особое положение. Главные удары Тамерлана во время его шести больших походов в Грузию не достигали ее. Вследствие этого, когда восточная Грузия и часть западной Грузии лежали в развалинах, Абхазия избежала прямых последствий нашествия Тамерлана. Сохранилось ее население. Не была разрушена ее экономика. Кроме того, она в это время пользовалась полной церковной независимостью от Грузии. Еще в XIII веке упоминается абхазский католикос, местопребыванием которого был город Пицунда. Теперь его власть простирается на всю Западную Грузию — на Абхазию, Сванетию, Мегрелию, Имеретию, Гурию. Это могло способствовать поднятию авторитета Абхазии как в самой Грузии, так и за ее пределами.

Эти страницы истории Абхазии были, очевидно, известны на Руси, где до конца XV века лучше знали абхазцев, чем грузин других областей. Здесь в первой половине XV века скорее Абхазия, чем Грузия в целом, могла быть сочтена той страной, которой наряду с Византией и Русью было суждено представлять на международной арене христианский православный мир.

В истории древней Руси время с 60-х годов XIV века и до середины 80-х годов XV века имело совершенно исключительное значение. Оно было не только временем роста и укрепления Московского княжества, но и непосредственным этапом на пути создания централизованного Русского государства.

Со второй половины XIV века на территории северо-восточной Руси начинается значительное экономическое оживление. Оно обнаруживается и в развитии внутреннего товарооборота и в расширении внешних торговых связей. В связи с развитием ремесленного производства и торговли увеличивается посадское население, возникают новые посады и слободы. „В обстановке этого экономиче-

ского подъема Москва начинает играть роль связующего экономического центра, быстрое развитие которого не могли остановить новые страшные опустошения¹. Но этим не ограничивается роль Москвы в экономике северо-восточной Руси. „Особое положение Москвы как пункта, к которому выводили водные пути по Дону и Волге, имело громадное значение.

Москва выступает перед нами в роли крупного международного центра восточной Европы... Через Москву проникают на Русь новые технические усовершенствования, утвердившиеся и вошедшие в обиход в средиземноморских странах и на Востоке“².

Одновременно с улучшением экономики северо-восточных русских княжеств происходили изменения в их политическом строе. В основном эти изменения состояли в успешном преодолении феодальной раздробленности внутри каждой из русских земель, сохранявших политическую самостоятельность в конце XIV—первой половине XV века. Этот процесс происходил и внутри Московского княжества. Но политика московских князей, которые в XIV и XV веках с незначительными перерывами почти все время удерживали за собою великое княжение, далеко не исчерпывалась подавлением самостоятельности „уделов“ внутри Московского княжества.

Московские великие князья вследствие занимаемого ими положения неизбежно должны были группировать вокруг Москвы, объединять и возглавлять другие северо-русские княжества в определенной случаях внутренней и внешней борьбы. Эта объединяющая и руководящая роль Москвы была признана почти всеми русскими землями уже в конце XIV века в момент грозной опасности — нашествия Мамай.

Куликовская победа закрепляла за Москвой значение общерусского политического центра, а общие успехи княжения Дмитрия Донского означали кризис системы феодальной раздробленности Руси. Объединительную политику Дмитрия Донского продолжали его преемники. Но необходимо было еще целое столетие упорных усилий Москвы, направленных на подавление самостоятельности ряда феодальных русских государственных образований, прежде чем было достигнуто окончательное политическое объединение всей страны и создано централизованное Русское государство. Анализируя этот период исторического развития древней Руси, мы видим, как глубоко прав И. В. Сталин в своем определении исторической заслуги Москвы: „Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси“³.

Общественная и литературная жизнь Руси конца XIV—первой половины XV века определялась высоким уровнем национального самосознания русских людей, которое во всех областях культуры этого времени обусловило проявление особого внимания к большим государственным темам. В общественной жизни и литературе был поднят ряд новых политических идей, теорий и традиций. Они касались главным образом внутренней жизни Руси, хотя в известной мере в них отра-

¹ К. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. Вопросы истории, № 11, 1949, стр. 79.

² М. Тихомиров. Москва и культурное развитие русского народа XIV—XVII вв. Вопросы истории, № 9, 1947, стр. 7.

³ Правда, 1947, 7 сентября.

зился интерес и к внешнеполитическим событиям и к международной обстановке.

Но новое в это время еще причудливо смешивалось со старым и традиционным. Различного рода теократические теории еще продолжали жить в обществе и подчас врываются в живую историческую действительность. Так, например, духовенство попрежнему считало своей высшей обязанностью вмешательство в междукняжеские политические споры, „распри“, а иногда и в феодальные войны в целях примирения враждующих сторон. И общество принимало это вмешательство. Следует, правда, отметить, что это вмешательство духовенства обычно помогало упрочению великокняжеской власти. К этому же кругу идей и теорий относились идеи о божественном поставлении властей, об ответственности князей перед богом сообразно их высокому сану — всё то, о чем в своих поучениях говорили митрополиты Алексей и Фотий и другие и что получило свое развитие в московской идеологии значительно позже, в XVI веке. Во всем этом много заносного, идущего от переводной литературы, от Византии.

Совсем иного характера были политические идеи, теории и традиции, выросшие на русской почве, связанные с русской историей. Одной из таких исторически обусловленных политических традиций была традиция, по которой великое княжение связывалось с Владимирским княжеством. Она имела огромное значение в политической жизни северовосточных русских княжеств. Чтобы понять это, необходимо припомнить некоторые факты. Еще в 1108 году Владимир Мономах на реке Клязьме построил „город“, принявший его имя, — Владимир. При Андрее Боголюбском Владимир вырос в новую столицу Ростовско-Суздальской земли. При Всеволоде Большое Гнездо власть ростовско-суздальского („владимирского“) князя одно время вынуждены были признавать и Новгород и Киев. Всеволоду уже был присвоен титул „великого князя“. У него искали поддержки галицкие князья. Его силу отметил автор „Слова о полку Игореве“.

После нашествия татар великий князь владимирский Ярослав Всеволодович первый получил в Орде ярлык на великое княжение. Титул „великого князя“ продолжал потом связываться с Владимирским княжеством и тогда, когда князья, получавшие его, уже перестали переезжать на княжение во Владимир. Это стало традицией. В сознании политических деятелей XIV—XV веков великое княжение через владимирских князей, очевидно, связывалось с Владимиром Мономахом — основателем Владимира, последним крупным великим князем Киевского государства. Впоследствии эта традиция получила „историческое“ и „теоретическое“ обоснование в политической литературе конца XV—начала XVI века: в „Сказании о князях Владимирских“ и др.

Начавшийся с XIV века процесс феодальной концентрации русских земель вокруг усилившейся великокняжеской власти Московского княжества сопровождался ростом сознания общерусского единства, охватившим огромные народные массы. Яркой иллюстрацией этого является былевой эпос XIV—XV веков; идея единства Руси, никогда не оставлявшая народный эпос, с особой силой проявилась в нем именно в это время. Идея единства Руси нашла многообразное выражение и в литературе XIV—XV веков. Известно, что с особой определенностью она выразилась в общерусском летописании, как об этом можно судить по Троицкой, Симеоновской, Новгородской четвертой, Софийской первой летописям и некоторым другим летописным источникам. Уже в первых из них дается оправдание объединительной политики московских вели-

ких князей — Ивана Калиты и его преемников. В летописании же 20-х годов XV века еще ярче отражаются основные задачи политики Москвы. Летописание этого времени освобождается от пролитовских взглядов, нашедших свое отражение в летописании начала XV века, так как идея сохранения за Литвой русских земель противоречила объединительным тенденциям Москвы. В нем значительно смягчены встречавшиеся в более раннем московском летописании резкие отзывы об отдельных русских княжествах или их населении. Это опять-таки соответствовало взглядам московских политических деятелей, которые в объединительных целях не склонны были лишиться раз сеять рознь между Москвой и ее соперниками. Становится очевидным, если идея единства Руси окончательно не исчезла в народном эпосе и в литературе и в более раннее время, то теперь, в XIV—XV веках, она входит в общественное сознание русских людей вместе с представлением об исключительной роли Московского княжества в деле объединения русских земель. Именно в таком единстве находятся эти идеи в цикле повестей о Куликовской битве: Московское княжество здесь воспринимается уже как Русская земля, а Дмитрий Иванович считается ее защитником. Основная тенденция политики Дмитрия Ивановича выражена в этом цикле повестей замечательно тонко. Точно так же в „Слове о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, даря русьского“ идея единства русской земли выражена в тесной связи с представлением об объединяющей роли Московского княжества в жизни Руси. Иван Калита, дед Дмитрия Донского, называется в „Слове“ „собрателем русской земли“, а сам Дмитрий — „царем русским“.

Интерес к международным событиям и политической жизни других стран и попытки осмысления русской истории на фоне мировой истории, известные в древней русской литературе в более раннее время, теперь, в XIV—XV веках, возродились с особой силой. В XIV—XV веках после значительного перерыва вновь появляется литература путешествий в Византию. Для нее характерно наличие интереса не только к фактам и событиям истории христианской церкви, но и к фактам гражданской истории Византии и к событиям современной авторам путешествий политической жизни ее. Так, к середине XIV века относится памятник новгородской письменности, известный под названием „От странника Стефанова Новгородца“.

Внимательный путешественник, Стефан Новгородец отмечает в своих записях различные достопримечательности Константинополя. Он как бы вводит читателя в атмосферу иностранного города с его своеобразными архитектурными памятниками, колоннами и художественными украшениями зданий, гаванью и пр.¹ Следует отметить второе произведение этого же вида, тоже новгородское, — „Сказание о Костянтинеграде“. Это краткий путеводитель по Константинополю, составленный в конце XIV или в начале XV века на основе какого-то более раннего повествования о путешествии в Византию, остающегося нам неизвестным. „Сказание о Костянтинеграде“ замечательно своими краткими, но выразительными описаниями тех разрушений памятников искусства, которые остались в Константинополе как память о Латинской империи 1204—1261 годов.² К этой же категории произведений относится и

¹ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л. 1934, стр. 50—51, 53, 55, 57.

² Там же, стр. 133, 134.

„Хождение Игнатия Смольнянина“ — памятник московской литературы конца XIV века.

Игнатий, наряду с религиозными достопримечательностями Константинополя, описывает и некоторые политические события империи, свидетелем которых он был. Так, он описал вооруженное столкновение в Константинополе сторонников императора Иоанна II и сторонников императора Мануила II и пышную церемонию венчания на царство Мануила II.

Не так давно М. Н. Тихомиров отметил, что известное место Задонщины о том, как широко разнеслась слава о победе на Куликовом поле, свидетельствует об обширных международных связях Москвы времени создания Задонщины. „Здесь перед нами, — пишет М. Н. Тихомиров, — большой круг земель, до которых должна дойти весть о русской победе: Дербент (Железные врата), Рим, Кафа в Крыму, Тырнов в Болгарии и, наконец, Царьград (Константинополь) — вот те пункты, до которых дойдет слава. В других списках Задонщины добавлен еще Орнач, т. е. Ургенч в Средней Азии. Таковы отдаленные и разнообразные центры, которые были связаны с Москвой“.¹ Все это справедливо. Но это же место Задонщины свидетельствует еще об одном — о высоком уровне национального самосознания, которое побуждает Софонию Рязанца оценивать победу на Куликовом поле как событие, имеющее международное значение. Для истории политических идей Руси XIV—XV веков это особенно ценное свидетельство, каких немного еще в литературе этого времени.

Несколько ярче, чем в других литературных жанрах, интерес к международным событиям отражен в летописании XV века. Летописи охотно говорят о международных событиях, в первую очередь о нашествии азиатских народностей на Европу. Так, повести о Тохтамыше и о Темир-Аксаке (Тамерлане) сопровождаются рассказами о борьбе ханов между собою и борьбе Темир-Аксака с султаном османских турок Балзидом; рассказывается и биография Темир-Аксака. Изложение истории Руси предварялось сведениями из всемирной истории, взятыми из переводного Хронографа. По идее летописцев история Руси этим самым связывалась со всемирной историей человечества. Но, конечно, среди произведений XIV—XV веков, касающихся международной темы, на первом месте должен быть поставлен Русский хронограф 1442 года. В нем изложение всеобщей истории, как она обычно понималась в Византии, дополнено сведениями из истории славянских народов и древней Руси. Весь этот материал составитель Русского хронографа удачно расположил по хронологическим циклам, помещая в каждом цикле описания соответствующих событий из истории Византии, южных славян и древней Руси.² Это была сознательная попытка включить историю русского народа в общемировой исторический процесс.

Мы смогли коснуться только незначительной доли того богатства идей, которое характеризует подъем национального самосознания Руси XIV—XV веков. Но и этих немногих примеров достаточно для того, чтобы утверждать, что уже в первой половине XV века Московское княжество достигло такого уровня своего развития, при котором появление в его идеологической системе идеи равноправия или равенства Византии, Абхазии и Руси было вполне возможным.

¹ М. Н. Тихомиров. Москва и культурное развитие русского народа XIV—XVII вв. Вопросы истории, № 9, 1947, стр. 6.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 169, 199—200.

Итак, внешних данных для определения места и времени создания „Сказания о Вавилоне граде“ очень мало. Но исследование этого вопроса приводит к гипотезе появления „Сказания“ на Руси в первой половине XV века. В решении этого вопроса необходимо учитывать еще одну деталь содержания „Сказания“, которая как будто бы подтверждает его русское происхождение. В одном из хороших текстов „Сказания о Вавилоне граде“, в тексте Великих миней-четиных, т. е. достоверно середины XVI века, мы читаем: „Первое посла три человеки христианьскаго роду, сурожьскаго“. Упоминание о послах-сурожанах, конечно, немыслимо в устах грека, рассказывающего о тех далеких временах, когда царские инсигнии были добыты для греческого царя из древнего Вавилона. Оно переносит нас в обстановку русской жизни и русского быта. Только русский автор, хорошо знакомый с сурожанами-гостями, легко мог создать версию посылки их в качестве греческих послов в Вавилон.

В русских летописях XIII—XV веков Сурож и сурожане упоминаются нередко, так как Сурож в это время занимал одно из первых мест среди торговых городов северного Черноморского побережья. Ипатьевская летопись под 1288 годом упоминает о „сурожьцах“ на Волыни. В Софийской I летописи под 1319 годом впервые упоминается „море Сурожьское“. Под 1356 годом летописец передает, что из Орды в Москву пришел посол Ирынчей и с ним „гости-сурожане“. Это одно из первых указаний на торговые связи Москвы с Сурожем. В скором времени в Москве „сурожанами“ стали называть как купцов, приезжавших из Сурожа, так и русских купцов, ездивших для торговли в Сурож. В XIV—XV веках „гости сурожане“ составляли верхушку московского купечества. Слова „Сурож“, „сурожане“, „сурожский“ прочно вошли в словарный состав русского языка XIV—XV веков. Они начинают значительно реже встречаться с конца XV века и в XVI веке, когда с развитием международного рынка и новых торговых связей Москвы ее торговля с Сурожем приходит в упадок. Слово „сурожьскаго“ в рукописях XV и XVI веков писалось под титулом — сурскаго. Поэтому понятно, что в списках „Сказания о Вавилоне граде“, начиная уже с XVI века, т. е. со времени сокращения, а потом и прекращения торговли Москвы с Сурожем, а вместе с тем и с исчезновением из состава живого русского языка слов „Сурож“—„сурожане“—„сурожский“, начинает появляться чисто литературное написание сурьскаго и даже сирьскаго, т. е. сирийскаго. Так появляется в тексте „Сказания“ упоминание, что отправленные греческим царем в Вавилон послы были „роду сурьскаго“, „роду сирьскаго“; а затем из текста выпадает и это наименование. Список конца XV века, который, несмотря на свою древность, дает уже ряд искаженных чтений, исправляемых на основе списков XVI века, также имеет чтение „сурьскаго“.

„Сказание о Вавилоне граде“ замечательно своей исторической и политической концепцией. В нем в форме легенды дается осмысление положения Руси на фоне истории всех христианских православных стран конца XIV—первой половины XV века. В новой исторической обстановке в новой форме возрождается идея, волновавшая передовых людей еще времени Киевской Руси. Теперь русские идеологи выдвигают идею равноправия или равенства всех оставшихся независимыми православных стран — Руси, Абхазии (Грузии) и Византии. Это определенный выход русской политической мысли из круга ближайших и очередных задач внутренней жизни Руси в сферу международных

вопросов. Концепция, отразившаяся в „Сказании“, слагалась постепенно, начиная с конца XIV века. Были внешние причины, подсказывавшие ее, — потеря самостоятельности Болгарией и Сербией и ослабление Византии. Еще более существенными были внутренние причины, коренившиеся в глубоких изменениях жизни северо-восточных русских княжеств и особенно княжества Московского. За немногословным текстом „Сказания о Вавилоне граде“ открывается целый мир идей и отношений, волновавших русских людей в период, предшествовавший образованию централизованного Русского государства. „Сказание“ — это своеобразное обоснование права Руси и Абхазии (Грузии) первой половины XV века на участие в международной жизни на равных началах со старшей христианской православной империей — Византией. Абхазия входит в эту концепцию не случайно. Жизненные интересы Руси и кавказских народов соприкасались уже в это отдаленное время.

Взаимное стремление Руси и кавказских народов к союзу подтверждается рядом фактов в ближайший же период. Рассказ об участии на равных началах представителей трех православных сохранивших свою независимость стран в добывании царских инсигний для греческого царя, написанный в последние десятилетия существования Византийской империи, — это символическое изображение соотношения сил этих стран в первой половине XV века. Неизвестный автор „Сказания“ поражает нас глубиной своей политической идеи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНЕ ГРАДЕ

(По списку ГИМ, № 2952, XV в.)

Слово о Вавилонѣ о трехъ отрокъ. Посланіе от Леоукиа царя, а во крещенъи нареченаго Василѣя, еже посла в Вавилонѣ испытати зднаменія оу святыхъ трехъ отрокъ — Онаньи, Озарьи, Мисаила.

А первое посла 3 человекы крестьяньскаго роду и соурьскаго. Они же рекоша: неподобно намъ тамо ити, но пошли из грекъ грѣчина, из безъ обяжанина, из роуси роусина. И посла, яко хотяхоуть.

Бяше близъ Вавилона за 15 днѣи, рече имъ царь Василѣи: аще боудеть зднаменіе святыхъ здѣ, да не отлоучюся от Ероусалима, но боудоу подобникъ вѣрѣ хрестьянѣи и поборникъ на врагы иновѣрныя за род хрестьяньскыи.

И поидоша три моужи, Гоугрии грѣцинѣ, Яковъ обяжанин, Лаверь роусинѣ, и ехали три недѣль до Вавилона. И придоша тамо и не видиша града: оброслъ бо бяше былиемъ, яко не видити полаты. Они же поустиша кони и нашли бо бяхоу поутець, малаго звѣри хождение. Бяше бо в былии томъ елико трава, а двѣ части гада. Но не бысть имъ страха, и поидоша поутемъ тѣмъ и придоша ко змию.

Бяшетъ тоу лѣствица от древа коупариса приложена чресъ змѣя, а написано бо бяше на ней три слова грѣческы, обезскы, роускы. Первое слово, грѣческы: котораго человекъа богъ принесеть к лѣствицѣ сеи... Второе слово, обезскы: да лѣзеть чресъ змѣя без боязни... Третье слово, роускыи: да идетъ с лѣствицѣ чресъ полаты, до часовницѣ. Бяшетъ бо лѣствиця та 18 степенѣи, така бяшетъ толстота змѣя того. Вздоша горѣ, аже тамо другая лѣствиця вноутрь, написано

тако же. И преидоша чресь полаты, бяхоу бо полаты полны гада, но нествориша имь ничто же.

Они же пришедше и влѣзоша в церковь, и наполнишася благоухания оуста ихъ. Бяхоу бо много дѣянїя въ церкви написана. И поклонишася гробомъ святыхъ трехъ отроковъ — Онаньи, Озарьи и Мисаила, и ркоша: приидомъ к вамъ по божию изволенію и великаго царя Василѣя богохранимаго просить от васъ зднамения. И стояше коубокъ на гробъ онаньинъ златъ с каменіемъ драгимъ съ жемцюгомъ оукрашенымъ полнъ моура и ливанъ и стеклянцю того не видихомъ. Мы же, вземше ис кубка того, быхомъ веселѣ. И воставше от сна мыслихомъ взяти коубокъ с виномъ и нести ко царю. И бысть намъ гласъ от гроба въ девятый часъ дни: не возмете зднамения здѣ, но идите в царевь домъ, возмите зднамение. Они же оужасны быша велми. И бысть имъ гласъ второе: не оужасаите, идите.

Они же вставше идоша. Бяше бо царева полата от часовнице, и внидоша в царевою полатоу и видиша тоу одръ стоящъ, и тоу лежаше два вѣнца царя Навходоносора и царицѣ его. Они же вземше видиша грамоту, написано грѣческимъ языкомъ: си вѣнци створенѣ бысть, егда Навходоносоръ царъ створи тѣло златое и постави на полѣ Дирѣамствѣ. И бяху бо вѣнци тѣ от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита. Си венци створены бысть доселѣ, а нынѣ положена бысть и на царѣ богохранимомъ Василѣи и царьцѣ блаженнии Александрѣ молитвами святыхъ трехъ отроковъ.

И вшедъ въ вторую полатоу и видѣша запоны и памфиры царьскыя, идѣже прияша руками и бысть все, акы прахъ. И бяхоуть тоу ларци со златомъ и серебромъ, и отвергше, видиша злато и серебро и камение многоцѣнное и драгое. И взяша камень великихъ числомъ 20 донести цареви, а собѣ, яко могоуть отнести, и взяше кубокъ таковъ же, яко же оу трехъ отроковъ.

И приидоша къ церкви и вшедше поклонишася тремъ отрокомъ, и не бысть имъ гласъ. И начаша тоужити, и вземше от коубка того испивше и быхомъ весели. И бысть имъ гласъ заоутра свитающи дни неделномуу и ркошач[и] имъ: оумьемъ лице свое. И оузрѣвше кубокъ церковнии с водою и оумывше лица своя и воздаша хвалоу богоу и тремъ отрокомъ. Отпѣвше и заоутренюю и часы, и бысть имъ гласъ, яко: взясте зднамение, поидите поутемъ своимъ, богомъ водими, къ царю Василѣю. Они же, поклонишася, испивше по три стеклянцѣ и поидоша къ змии и, прислонивше лѣствицю, полѣзоша чресь змѣя, и принесоша все, еже имѣяхоу. Сынъ жъ обѣжанинъ, именемъ Яковъ, запенѣся съ 15 степени и полетѣ долу и оубоуди змѣя. И вѣсташа на змѣи чешоуя, акы волны морьскыя. Они же, вземше друуга своего, поидоша сквозѣ былие с полоу дни и видѣша коня и друугы своя. Егда начаша вскладывати бремя на своя коня, и свистноу змѣи. Они же от страха быша акы мертви.

А гдѣ стояше царъ Василѣя, ожидая дѣтей своихъ, — бяшетъ я нарекъ собѣ, акы дѣтѣи, — бяше бо змѣя того свистъ и тамо. И падше от свиста того, ослеплѣ бяхоуть, и мнозѣ отъ стадѣ ихъ изомроша яко до 3000, подошелъ бо бяше за 15 днии. И отступиша от того мѣста за 16 днии и рече: оуже мои дѣти мертвѣ. И пакры рече: еще пожду мало.

Сии же вѣставше, яко от сна, и поидоша, и постигоша царя за 16 днии и, пришедше, поклонишася цареви. И радъ бысть царъ и вси вои его. И сказавше емоу по единомуу. Патриархъ же вземъ два вѣнца и, прочетъ грамоту, възложи на царя Василѣя и на царицю на Але-

ксандрѣю, родомъ арменина наречеса. Царь же, вземъ коубокъ, повелѣ наполнѣти соухимъ златомъ. А каменни пять драгихъ посла въ Ероусалимъ к патриархоу. А что собѣ принесоша, поведавше царевѣ злато и сребро и камене драгое и жемчюгъ великыи, царь же не взяше ничего же, но еще дасть имъ по три верапра злата. И отпусти я и рече имъ: поидѣта с миромъ, гдѣ соуть отци ваши и матери, и прославите бога и 3 отроky и царя Оулевуя, а во крещенѣ нареченнаго Василѣя.

Царь же оттолѣ восхотѣ ити во Индѣю. Давидъ же царь критьскыи рече: поиди на страны полунощныя, на врагы иновѣрныя, за родъ крестьянескъ.¹

¹ При издании текста списка ГИМ, № 2952, XV в., титла веде раскрыты, буквенные обозначения чисел заменены цифровыми, пунктуация проставлена современная, омега передается через о.